

УДК 165.24

ПОНИМАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А. К. Галимова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 марта 2014 г.

Аннотация: понимание анализируется как проблема социальной философии, исследуется в связи с развитием ряда социологических концепций, в которых оно становится предметом изучения. Рассматривается проблема достижения согласия в социальной деятельности индивидов.

Ключевые слова: понимание, ситуация, Другой, Чужой, коммуникация, интерпретация, типическое.

Abstract: the article understanding as the problem of social philosophy. Understanding is researched in connection with the development of several sociological concepts, in which understanding becomes a subject of study. The author considers the problem of realization of a consent in the social activities of individuals.

Key words: understanding, situation, the Other, the Alien, communication, interpretation, the typical.

Проблема понимания, существовавшая некогда в рамках герменевтики, в традиции истолкования текста, оказалась в центре исследовательского внимания, но теперь уже в рассмотрении коммуникативного процесса. Если говорить более широко, то проблема понимания стала исследоваться применительно к человеческой деятельности. Социальная деятельность стала предметом понимания.

В неклассической социологии в центре внимания оказалось действующее лицо и «понимающий» субъект. Многие исследования посвящаются фигуре интерпретатора, возможностям понимания текстов, речи, действий познающим субъектом. Внимание мыслителей фокусируется на взаимоотношениях между субъектами – участниками социальных взаимодействий. С возникновением неклассического типа рациональности происходит тематизация деятельности самого интерпретирующего субъекта, а также условий и границ интерпретации.

«Интерпретативный поворот» в социальных и гуманитарных науках, явившийся результатом парадигмальных изменений, задал общий вектор развития исследований понимания как научной проблемы. Поэтому можно сказать, что как метод социального познания понимание исследуется в направлениях, принадлежащих к «интерпретативной» парадигме в социальном познании.

Понимание как проблема философии познания заключается в необходимости выявления сущностных особенностей понимания, условий его

возникновения, причин непонимания, контекстов возникновения данной проблемы и т.д. Если рассматривать проблему понимания на материале социологических исследований, в процессе социального познания, то в данном случае задача исследователя конкретизируется: он должен объяснить, как происходит обработка полученных данных, в рамках каких теоретических конструктов эти данные могут быть проинтерпретированы, доказать релевантность применяемой им методологии.

Начиная с Вебера, проблема понимания стала предметом рассмотрения в социологии. Выстраиваемый в теории Вебера понятийный аппарат направлен на то, чтобы проанализировать понимание как процесс, присущий повседневной деятельности человека, а также обосновать свое собственное социально-научное понимание *понимания*. Следует сказать, что понимание, с одной стороны, существует как проблема научного метода исследования наряду с другими изучаемыми методами. С другой стороны, оно может выступать предметом изучения в рамках рассмотрения структуры социального взаимодействия, особенностей коммуникативных процессов, процедурных правил речевого общения, мотивов социальных действий и т.д. Вопрос понимания возникает при рассмотрении коммуникативной деятельности человека, поскольку понимание постоянно ее сопровождает. Точнее, понимание и коммуникативная деятельность неразрывно связаны. Даже если мы ведем речь о каких-то не вызывающих вопросов, автоматически понимаемых репликах участников взаимодействия, то и здесь понимание не вызывает проблем, поскольку присутствуют некоторые условия. Во-первых, все акторы знают язык, т.е. систему символов, которая ими используется, и, во-вторых, воспринимают ситуацию как привычную или приемлемую в данных условиях. Важно отметить, что значительное место в вопросе успешности понимания занимает контекст взаимодействия. Контекстуальность взаимодействия означает, что оно включено в определенную среду, в некоторые обстоятельства. Контекст ситуации взаимодействия делает возможным использование знаний о типических действиях применительно к отдельному случаю. В свою очередь, на основе применения знаний о типическом человек понимает смысл происходящего.

Вопрос о контексте ситуации, в которой происходит понимание, приводит к различению двух аспектов понимания: понимание Другого и понимание Чужого. В рамках своей культуры, своего окружения, социальной группы перед субъектом возникает необходимость понимания Другого, и встречается она как в процессе диалогического взаимодействия, так и в процессе понимания ритуалов, символов культуры, ценностей и т.д. Однако в случае столкновения с представителем другой культуры, другой социальной группы субъект встречается с Чужим.

В проблеме понимания в процессе общения переплетаются несколько аспектов понимания. Во-первых, возникает вопрос о понимании речи собеседника в процессе разговора. Причины непонимания речи могут быть разными, например, незнание чужого национального языка или принадлежность к разным профессиональным сферам, которая означа-

ет владение специальными знаниями со стороны одного участника взаимодействия и отсутствие данных знаний у другого.

Другой аспект понимания связан скорее с самой ситуацией взаимодействия. Каковы условия взаимодействия или, иначе говоря, при каких обстоятельствах понимающий субъект воспринимает речь другого. Понятная по своему смысловому содержанию речь по-разному воспринимается в разных ситуациях. Контекст взаимодействия может как осветить проблему понимания к восприятию произнесенных слов, поскольку все остальное будет автоматически ясно из контекста, так и, наоборот, усложнить задачу понимания. В связи с этим многие исследования по данной проблеме посвящены поиску и формулированию определенных процедурных правил общения, установленных в обществе. Другая цель заключается в том, чтобы выявить причины непонимания. Некоторые из таких причин условно можно обозначить как «сломы» в процессе взаимодействия, возникающие при нарушении привычного порядка. Они будут рассмотрены ниже.

Понимание являлось методом, изначально использовавшимся для истолкования текста. Однако значение самого текста значительно расширилось. В связи с постоянным увеличением количества информации и возникновением новых средств ее передачи можно говорить о «повседневном» тексте, т.е. информации, которая передается нам ежедневно как письменным, так и устным способом из новостей, от знакомых, коллег и т.д. «Этот повседневный сплав усиливается телевизионным квазиприсутствием далекого, что превращает каждый дом в некую фиктивную мировую сцену» [1]. Иными словами, в поле истолкования попадает помимо традиционного закрепленного в письменном виде текста еще и текст, связанный с повседневной практикой, деятельностью человека, и здесь можно говорить о понимании слов и действий Другого.

Вследствие появления новейших технологий человек в опосредованном виде сталкивается с образом Чужого.

Современный информационный поток сталкивает нас с различными мировоззрениями, ценностями, стилями жизни и т.д. Благодаря интернету упрощается процесс общения и происходит столкновение разных стилей жизни, которые, безусловно, существовали и раньше, однако не были доступны для всех. Через новости и телепередачи в нашу действительность проникает множество сюжетов о событиях, происходящих в разных уголках мира. Многие из них воплощают собой нечто неизвестное, неприятное, неприемлемое и чуждое для воспринимающего человека. Иными словами, телевидение и интернет усиливает и ускоряет процесс встречи с тем, что не вписывается в собственную картину мира, возможно, вызывает отвращение, недоумение и шок, т.е. с Чужим. Попытки интерпретировать полученные сообщения представляют собой один из контекстов формирования отношения к Чужому.

В настоящее время проблема понимания Чужого является очень популярной в культурологических, философских, лингвистических и социологических исследованиях. Философское осмысление эта проблема по-

лучила в работах представителей феноменологической традиции. Один из промежуточных выводов, к которому приходит Б. Вальденфельс, анализируя проблему Чужого в современной культуре, заключается в том, что провести разделительную черту между понятиями «Другой» и «Чужой» очень сложно. Это связано с тем, что в эпоху глобализации и информационных технологий мы неизбежно встречаемся с Чужим как не только возникающим извне, но и с Чужим как проникающим в нашу культуру.

Противопоставление *себя и другого, своих и чужих* отражается в разделении на похожих, привычных и, наоборот, – непонятных и непредсказуемых и потому пугающих. В работах многих исследователей встречается положение о том, что всякое подавление Чужого, попытка его исключения, уничтожения на выходе дает только очередное порождение Чужого, и связано это именно с тем, что развитие без Чужого невозможно. Ю. М. Лотман, рассматривая процесс взаимодействия культур, указывает на следующую деталь: «... Даже внутри одной и той же культуры, для того чтобы стать активным участником в процессе литературной преемственности, текст должен из знакомого и «своего» превратиться, хотя бы условно, в незнакомый и «чужой» [2, с. 112].

При этом *свои* и *чужие* сосуществуют не в едином однородном пространстве. В мультикультурном обществе выстраивается определенная иерархия, в которой *чужие* находятся ниже чем *свои*, поскольку они изначально считаются хуже. Чужой оценивается как нечто негативное. Безусловно, взаимоотношения с Чужим это более сложный процесс, чем просто отрицание Чужого и попытка от него избавиться, хотя бы потому, что, как было указано выше, подобные попытки приводят к конституированию нового образа Чужого. Следует, однако, отметить, что в ряде культурологических исследований рассматриваются примеры позитивного понимания Чужого, его «приветственного» восприятия, но эти процессы нельзя назвать определяющими или базовыми.

Итак, одним из аспектов проблемы понимания является понимание Чужого. Многие работы посвящены разработке понятия «Чужой», рассмотрению его соотношения с понятиями «Другой» и «Иной». Почему проблема «Чужого» и его понимания становится столь актуальной?

Структура «центр–периферия» означает, что нечто обладает приоритетом перед чем-то другим и является отправной точкой в рассмотрении всего остального. Этим «центром» может выступать определенная культура, к примеру, европейская, некоторый социальный порядок, рассматриваемый как универсальный, социальная группа, к которой принадлежит человек и с которой себя идентифицирует, собственная национальность, тогда мы приходим к феномену этноцентризма. «В античности процесс этнокультурного взаимодействия был практически однонаправленным (выстроенным по оси: центр–периферия) и представлял собой развернутое во времени противоречие. Основной антонимией являлось противопоставление: «грек–варвар», «римлянин–варвар», постепенно трансформировавшееся в противопоставление «цивилизация–варвар»

ство» [3, с. 271]. При этом то, что не входило в сферу собственного, своего, того, к чему принадлежит субъект, соответственно, расценивалось как неизвестное, чуждое, неправильное, нецивилизованное, варварское и т.д. Поскольку с усложнением культуры, дифференциацией социальных порядков и развитием информационных технологий происходит смещение данной структуры, становится невозможным оценивать нечто как периферию, рассматривая ее из положения центра, находящегося как бы над ней, соответственно, всё неизвестное теперь нельзя подчинить собственной логике, привести к универсальному порядку. Появляется пространство «между» *своим* и *чужим*, которое означает не преобладание одного над другим (*моего* над *чужим*), а проблематизацию Другого, Чужого. Чужого, с одной стороны, нужно подчинить своей логике, чтобы понять, познать, но с другой – эта логика уничтожит его как чужого, поскольку он становится разложим по определенной схеме, понятен и доступен – перестает быть чужим.

Перспектива отсутствия универсальной логики, основанной на представлении о Я как центре в проблеме объяснения Другого, Чужого, свидетельствует о том, что понимание становится условием социального познания. В рамках «понимающей» методологии возможно познание Другого и Чужого.

Б. Вальденфельс, рассматривая проблему возможностей познания Чужого, приходит к выводу о том, что в рамках «интенциональной» рациональности, характерной для философии Э. Гуссерля, осуществить понимание Чужого нельзя. Согласно мысли Вальденфельса, интенциональная рациональность ведет к разрушению, а не к познанию Чужого. Это разрушение является следствием того, что в терминах интенциональной рациональности Чужой заранее полагается как нечто определенное. «Доступность “Чужого”, чужой культуры или чужого текста всегда относительна. Но такие ограничения и условия лишь сдерживают, а не разрушают стремление смотреть и понимать. Чем больше удастся нам сделать “Чужое”, появившееся в феноменологическом опыте, наглядным, «Чужое», повстречавшееся в герменевтическом опыте, понятным, тем более исчезает оно» [1]. Иначе говоря, пока мы пытаемся понять, что такое Чужой, мы преследуем цель сделать его недоступность доступной, а это его лишает его «чуждости».

В поисках решения этой проблемы Б. Вальденфельс приходит к выводу о том, что единственный способ рассматривать проблему Чужого, избегая при этом его уничтожения как Чужого, состоит в представлении Чужого не как нечто определенного, а как того, на что мы с неизбежностью отвечаем. В качестве такого вызова, требующего ответа, могут выступить, например, вопрос, претензия или оклик. Здесь берет свое начало «респонзивная» рациональность, которая основана на структуре «притязание–ответ». В рамках респонзивной рациональности Чужой нам может быть дан только в модусе отсутствия, небытия. Таким образом, на место структуры «свое»–«чужое» Б. Вальденфельс утверждает

новую структуру «притязание»—«ответ». Соответственно, посредством введения понятия «респонзивной» рациональности Б. Вальденфельс проводит границу между понятиями «Другой» и «Чужой». Если Другой понимается в терминах интенциональной рациональности по аналогии с Я субъекта как модификация его Я, то Чужой встречается как неизвестное, бросающее субъекту вызов. Чужой не познается по аналогии с собой, он выступает противопоставленным субъекту.

Однако здесь следует различать две ситуации. Первая заключается в том, как Чужой оценивается обычными людьми в повседневном мире. Вторая ситуация касается того, как ученые (археологи, антропологи) понимают чужую древнюю культуру. Конечно, понимание основано на смысловом присвоении, т.е. конституировании своего смысла о Другом, Чужом и т.д. При этом понимание отнюдь не отрицает отношение чуждости. Согласно исследованиям социологов, в обществе Чужой всегда оценивается враждебно. И здесь следует отметить, что существуют две разные задачи и разные отношения. Одно отношение социальное, оно относится к тому, как возникает общественное мнение, согласно которому Чужой воспринимается как Плохой. Другое отношение научное, или теоретическое (герменевтическое), заключается в изучении учеными того, как происходит понимание скрытых смыслов (мотивов). Поэтому познание Другого возможно, но это не делает его *своим*.

Сведение повседневного понимания интерсубъективного мира к знанию о «типическом», безусловно, является очень распространенным способом решения проблемы понимания, в том числе в современных социально-философских работах. Однако интерсубъективная реальность не исчерпывается пониманием типического. На наш взгляд, типическое представляет собой лишь одну сторону понимания. Чтобы разъяснить это, необходимо обратиться к материалам некоторых исследований.

Понимание как процесс повседневной жизни является неотъемлемой частью социального бытия, но, несмотря на всю его привычность и обыденность, остается проблемой социально-философского анализа. Мы постараемся выявить и проанализировать основные тенденции в изучении понимания как необходимого условия межличностного общения и познания социальной реальности.

Следует сказать, что исследования по истолкованию повседневных действий, человеческой практики можно проанализировать на материале социологических данных. В этом случае социология тесно переплетается с социальной философией. Социолог сталкивается в своей деятельности с разного рода методологическими сложностями, поскольку познавательный процесс требует выбора определенных методов, и в отличие от философии в социологии исследования связаны с привлечением широкого эмпирического материала. Поэтому разработки в области социологического знания представляют интерес для социальной философии в русле изучения социального познания. Соответственно, изучение вопросов методологии социального познания возможно на основе анализа социологических исследований.

Социально-научное понимание *понимания* как повседневного процесса реализуется через исследования речевого общения и социальных взаимодействий. Рассмотрим следующий пример. Представитель этнометодологии Г. Гарфинкель дал своим студентам задание: подслушать повседневные разговоры людей и затем объяснить, о чем они говорили, как бы восстановив при этом весь ход разговора, т.е. учитывая все то, что не было сказано, хотя и подразумевалось. Суть этого задания состоит в выявлении определенных «процедурных» правил, используемых участниками в беседе, которые позволяют им понимать друг друга. На основе полученных сведений Гарфинкель делает вывод: повседневное общение устроено таким образом, что позволяет человеку не проговаривать и не разъяснять полностью свои намерения и мысли, но при этом быть понятым окружающими. Данные результаты, полученные Гарфинкелем на основе наблюдения за порядком взаимодействий и выявления характерных свойств общения, позволили ему выделить определенные процедурные правила, на основании которых конституируется повседневное общение и осуществляется взаимное понимание. Гарфинкель пишет: «Допустимыми свойствами обыденного дискурса являются: ожидание, что люди сами *поймут*, что имеется в виду; случайность выбора выражений; характерная неопределенность ссылок; ретроспективное/перспективное ощущение событий настоящего; ожидание продолжения разговора, чтобы понять, что, собственно, имелось в виду раньше. Эти свойства составляют фон видимых, но не замечаемых черт обыденного дискурса, тогда как предъявляемые высказывания опознаются как события обычного, разумного, понимаемого, ясного разговора» [4, с. 46].

Социолог исходит из того, что в повседневной жизни множество факторов понимания остаются незамеченными, поскольку подразумеваются сами собой, как это происходит в примере с подслушанными разговорами. Поэтому следующее задание для студентов состояло в том, чтобы разрушить обычный порядок общения. Находясь дома, они должны были вести себя как квартиранты. Гарфинкель описывает сложности, с которыми столкнулись студенты, согласившиеся выполнить задание. Последствия их необычного поведения выразились в раздражении, удивлении, гневе, замешательстве со стороны родственников. Данные примеры «слома» привычного порядка ситуации, к которому прибегает Гарфинкель, позволили ему проанализировать процесс возникновения *обычной* согласованности и понимания в повседневной жизни. «Обыденное знание не только изображает реальное общество для его членов, но сами свойства реального общества, как самореализующиеся пророчества, воспроизводятся людьми посредством мотивированного подчинения этим фоновым ожиданиям» [4, с. 53].

Применяемые Гарфинкелем при рассмотрении смыслов повседневных действий методы исследований, основанные на разрушении привычного порядка и традиционного поведения, приводят его к выявлению формальных моделей действий и взаимодействия. Однако, показывая, в чем состоит порядок взаимодействия, Гарфинкель сводит повседневные

действия к их внешнему выражению, ожидаемому или внезапному для участников взаимодействия. При этом вне рассмотрения остается возможный, подразумеваемый, внутренний смысл действия, имеющийся у субъекта. Выводы Гарфинкеля свидетельствуют о том, что в основе понимания в повседневной жизни лежит определенный порядок общения и правила поведения, признаваемые нормальными и приемлемыми. Таким образом, можно сказать, что Гарфинкель рассматривает всё межличностное общение в терминах «привычное», «допустимое», «приемлемое» и «нормальное» в рамках конкретного контекста и ситуации. Выбранная им стратегия, безусловно, верно указывает на основания понимания действий других в повседневной жизни, которые заключаются в наличии у индивида знаний о типичных ситуациях и правилах поведения и общения.

Многие социологи видят основание понимания повседневных действий именно в этом знании о типическом. Но тогда возникает следующий вопрос. Сводится ли понимание, которое осуществляется в социальном бытии, к применению знаний индивидов о «типическом», полученных ими в ходе социализации? Очевидно, что нет. Потому что если это действительно так, то вне поля нашего рассмотрения остается понимание индивидуального, которое хотя и связано с типическим, но никак не может объясняться, исходя из него. Здесь возникает трудная проблема соотношения личностных смыслов и общезначимых смыслов.

Ситуация телефонного разговора с другом является типичной, тогда как само содержание разговора индивидуально и зависит от многих факторов. Соответственно, и понимание определяется тем, насколько близки отношения между участниками разговора. Здесь возникает несколько проблем. В первую очередь, это проблема понимания субъективного смысла речи и действий. В приводимых примерах из исследований Г. Гарфинкеля необходимым условием понимания была согласованность. Согласованность слов и действий участников взаимодействия основывается на их общем знании правил поведения и обеспечивает автоматическое понимание. Это справедливо для понимания типического, нормативного, легитимного, в данном случае, речевого общения, которое имеет определенную форму или структуру, однако при условии согласованных слов и действий происходит понимание только объективированных значений или манифестированного смысла действий. При этом герменевтическая проблема заключается в том, как понимается непроявленное, недосказанное, скрытое.

В социальных науках формируется представление о том, что понимание индивида в повседневной жизни основано на выявлении типичных процессов и ситуаций. Эта типичность заключается в том, что повторяющиеся действия, ситуации сравниваются индивидом с теми, что уже происходили, в результате чего складывается понимание их сути. «То, что мы понимаем, есть всегда нечто типичное. Это типичное может быть совершенно анонимным, в высшей степени индивидуальным или чем-то промежуточным. Даже совершенно неповторимую информацию мы

воспринимаем в форме типичного: она выражается в языковых штампах и должна выражаться в таких штампах. Мы осваиваем нашу повседневность только посредством типизации. Это, так сказать, первая лекция, которую должны прослушать социологи, чтобы понимать и чтобы понимать понимание» [5, с. 348].

Исходя из знаний о типическом, индивид формирует представления о том, что должно происходить в той или иной ситуации. Иными словами, человек, воспринимая социальный мир, не только усваивает смысл происходящего, но и имеет определенные ожидания в отношении того, что происходит. Это имеет значение в процессе коммуникации, когда взаимность перспектив, направленность на слова и действия другого, способствуют пониманию смысла, выражаемого другим. В повседневной жизни человек сталкивается с множеством разных ситуаций, которые представляют собой конкретные проявления вещей и отношений, их индивидуальные аспекты. В связи с этим возникает необходимость применения предыдущего опыта и знаний для понимания определенной индивидуальной ситуации.

Социологи при этом решают проблему построения таких идеальных моделей и конструкций, в рамках которых можно было бы объяснить социальное поведение индивидов, а также формирование особых социальных порядков. Исходным предметом рассмотрения в данном случае является конкретная социальная ситуация. Ее понимание может быть реализовано посредством включения данной ситуации в определенный смысловой контекст. Иначе говоря, интерпретация ситуации происходит в ходе «набрасывания» некоторой идеальной модели на конкретную ситуацию.

Таким образом, исследователей объединяет желание найти некоторые типические основания действий, что выражается, к примеру, в обращении к понятию «фрейм» как определенной модели ситуации, которая задает направленность поведения акторов в теории фреймов. Поиск «типического», соответственно, обусловлен необходимостью понимания социальных действий. Также «типическое» выступает основой понимания социальной реальности в концепции социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Однако конструкты типического, представленные в понятиях «фрейма», «ситуации», «когнитивного формата», не приводят к полному решению проблемы понимания. Ошибка социологов Бергера и Лукмана заключается в том, что согласно теории социального конструктивизма действия и их мотивы понимаются как типичные. На самом деле можно говорить только о типичности действий, тогда как мотивы не могут быть типичными. Мотивы действия всегда разные. Более того, у одинаковых внешне социальных действий могут быть совершенно разные мотивы.

Понимание неразрывно связано с анализом смыслов. Иными словами, понимать означает эксплицировать смысл, трактовать его. При истолковании смысла возникает герменевтическая проблематика. Необходимо различать объективный и субъективный смыслы действий. Под

субъективным смыслом мы будем подразумевать смысл, вкладываемый действующим лицом в его действие. Объективный смысл действия – это смысл, выраженный материально в знаке, символе.

Итак, вопрос о понимании смысла действий Другого проблематичен. В существующих социально-философских концепциях дается ответ по поводу понимания объективного смысла, который можно реконструировать, исходя из знаний процедурных правил общения и типичных социальных ситуаций. Однако этот реконструированный смысл будет смыслом интерпретатора, но не действующего лица. Вопрос о субъективном смысле действия и знании мотива самого интерпретатора остается нерешенным. Постараемся очертить некоторые его контуры.

В первую очередь, следует задаться вопросом «что же входит в область социально-научного понимания», который возникает в связи с наличием у понимания множества разных измерений. И если мы ведем речь именно о социальном измерении понимания, то следует отграничить его от всех остальных.

Как осуществляется понимание в повседневной жизни? Когда мы говорим о понимании действий Другого, то не можем не учитывать ситуацию, в которой происходит взаимодействие, но не в качестве контекста, а в том, насколько взаимодействие формализовано или, наоборот, индивидуализировано. В связи с этим А. Шюц разделяет два типа ситуаций понимания Другого. В первом типе отношения между участниками взаимодействия очень близкие, постоянные, основаны на взаимной дружбе, имеют длительную историю, следовательно, поведение Другого понимается как индивидуальное. Знания о его переживаниях, взглядах, убеждениях, стремлениях позволяют понимать и причины действий Другого. Второй тип касается противоположных по сути ситуаций, когда отношения между субъектами достаточно ситуативны и формализованы. В данном случае понимание Другого не может основываться на знании индивидуального положения, поэтому конструирование смысла происходит на основе сопоставления поведения Другого с типичными образцами поведения, и его мотивы здесь также будут рассматриваться как типичные. «Пребывание же с кем-либо в общем времени – и не только во внешнем (астрономическом), но и во внутреннем времени – подразумевает, что каждый партнер участвует в жизненном процессе другого и может схватить в живом настоящем развитие его мыслей. <...> Во всех других формах социальных взаимодействий (даже в отношениях между товарищами в той мере, в какой это касается нераскрытых сторон личности Другого) сущность другого человека может быть схвачена, используя ранее цитированное выражение Уайтхеда, с помощью «вклада в воображение гипотетически представляемого значения», т.е. формирования конструкторов типичного поведения, типичных мотивов, лежащих в его основании, типичного отношения к персональному идеальному типу, примером которого является поведение Другого, как в пределах, так и вне поля моей досягаемости» [6, с. 19]. Безусловно, А. Шюц здесь рассматривает два противоположных полюса социального взаимодействия.

Следует добавить, что ситуация понимания между одними и теми же лицами может меняться с изменением внешних обстоятельств. Допустим, пока *я* состою в дружеских отношениях с Другим, хорошо знаком с его жизненной ситуацией, *я* воспринимаю его поведение и мотивы как нечто индивидуальное, понимаемое *мною* из знания о его личных переживаниях, имеющихся в настоящем времени. Однако если *он*, к примеру, переехал в другой город, и *наше* общение теперь ограничено телефонными звонками, то взаимодействия постепенно становятся всё более формальными, теряют свою первоначальную интимно-личностную основу. В результате этого *я* начинаю воспринимать его в рамках исполняемых им социальных ролей и занимаемого социального положения. Соответственно, поскольку у *меня* больше нет к нему прежнего индивидуального отношения, его поведение и мотивы рассматриваются *мною* как типичные. Иными словами, вследствие реконструкции смысла действия *я* могу иметь мотив интерпретатора, а мотив действующего *мне* не доступен, поскольку у *меня* больше нет возможности понять субъективный смысл его действия. «Если провести различие между (субъективным) персональным типом и (объективным) типом осуществления действия, то можно сказать, что возрастание степени анонимности конструктора приводит к замене первого последним» [6, с. 20].

Итак, понимание Другого в повседневной жизни осуществляется либо как понимание индивидуального, либо как понимание типичного. Чем более формализованный характер имеет взаимодействие между субъектами, т.е. чем больше они воспринимают друг друга в контексте социальных ролей, тем вероятнее, что понимание Другого будет проявляться как понимание типичного. Процесс понимания будет зависеть от того, насколько участники взаимодействия близки между собой, и, соответственно, насколько само взаимодействие формально или нет. Чем же такое понимание отличается от того, которое ставит своей задачей социолог? В данном типе понимания, условно обозначаемом обыденным, присутствует и то, что входит в социально-научное понимание: мы понимаем действия других в контексте их социальных ролей и типизированных ситуаций. Однако здесь к пониманию «примешивается» также и психологический фактор, характеризующий степень близости субъектов. Данный аспект не входит в поле рассмотрения социолога.

Литература

1. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вальденфельс. – Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm/>
2. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – 247 с.
3. Хазина А. В. Антиномия «Свой – Чужой» в историческом нарративе. Взгляд эллинистической историографии / А. В. Хазина // Диалог со временем. – 2012. – № 39. – С. 271–285.

4. *Гарфинкель Г.* Исследование привычных оснований повседневных действий / Г. Гарфинкель // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 1. – С. 42–70.

5. *Хицлер Р.* Понимание : повседневная практика и научная программа / Р. Хицлер // Философия и методология эмпирической социологии. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – С. 341–349.

6. *Шюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / А. Шюц // Мир, светящийся смыслом. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Воронежский государственный университет

Галимова А. К., аспирант кафедры онтологии и теории познания

E-mail: galimova.albina@rambler.ru

Тел.: 8-920-214-78-85

Voronezh State University

Galimova A. K., Post-graduate Student of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: galimova.albina@rambler.ru

Tel.: 8-920-214-78-85